

УДК 159.9.072.433**КУЗЬМЕНКОВА Лидия Всеволодовна**

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой консультативной психологии и психологии здоровья Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (Санкт-Петербург)

sondy@mail.ru

ДИНАМИКА МОТИВОВ ДОБРОВОЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Аннотация: в статье описаны результаты исследования, целью которого стало выявление закономерностей динамики мотивов добровольности, а также возможность контроля и их регулирования. В работе применялись методы практической психологии: библиографический, интервью, анкетирование, опросник, самоанализ, анализ продуктов деятельности, постановка эксперимента, обработка и интерпретация результатов. Участниками эксперимента, проводимого в период с 2010 по 2015 г., были студенты-психологи Санкт-Петербургского государственного университета ГПС МЧС России и Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. Анализ практических работ студентов (планирование), дневниковых записей, анкет и бесед позволил сделать следующие выводы: в процессе выполнения 30-дневного задания студенты периодически переживали кризисы, вызванные конфликтом «мотив/результат деятельности», те студенты, которые ежедневно отмечали положительные моменты в прожитом дне и ориентировали себя словесными формулировками на достижение цели, дольше сохраняли работоспособность в отношении к поставленной цели. В статье делается предположение о возможности применения полученных результатов в практике волонтерского движения. Предлагается вывод о том, что организационное регулирование с целью сохранения добровольности деятельности волонтеров и поддержания их работоспособности будет более эффективным а) при информировании волонтеров о возможности возникновения конфликтов «мотив/результат деятельности», б) научении всех заинтересованных лиц методам и приемам выхода из этих конфликтов, в) поэтапного (с учетом закономерности кризисных периодов) применения нематериального стимулирования со стороны ведущих и организаторов движения.

Ключевые слова: добровольность, волонтер, мотивация, мотив, ответственность, воля, самоанализ.

KUZMENKOVA L.

THE DYNAMICS OF VOLUNTARY MOTIVES AMONG THE INDIVIDUALS OF THE HELPING PROFESSIONS

Abstract: the article describes the results of a study identifying the patterns of motives for voluntary activities, as well as the ability to control and regulate them. The following methods of practical psychology were used: bibliographical, interview, survey, questionnaire, self-examination, analysis of outcomes, experimental set-up, processing and interpretation of results.

Psychology students of St. Petersburg State University of Fire Service under the Russian Emergency Ministry and St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work participated in the experiment conducted from 2010 to 2015. The analysis of the students' planning work, their diary entries, questionnaires and interviews led to the following conclusions: in the process of completion of a 30-day assignment, students occasionally experienced crises caused by a conflict between mo-

tives and results of activity. Those students who noted positive moments on a daily basis and used verbal affirmations regarding their targets remained productive in achieving their goals for a longer period of time.

The obtained results may be used for volunteer work. The author concludes that organizational regulations to support the voluntary nature of activities and maintain volunteers' performance capacity will be more effective if: a) volunteers are informed about a possible conflict between motives and results; b) all concerned parties are taught the methods and techniques of solving the crises; c) leaders and organizers use non-financial incentives phase-by-phase (considering regularities in crisis periods).

Key words: voluntariness, volunteer, motivation, motive, responsibility, will, self-examination.

В цивилизованном мире принято считать, что одним из признаков развитого гражданского общества является наличие сформировавшегося волонтерского движения. Волонтер [voluntaries – лат.] – то же, что и доброволец: человек, который взял на себя какую-либо работу [12, с. 88; 18]. Более точный смысл этого слова можно расшифровать как «по собственной воле», по своему хотению, без принуждения [6, с. 832]. В современной жизни, как нам это известно, добровольческие инициативы могут распространяться почти в любой сфере человеческой деятельности. Это помощь социально незащищенным слоям населения (людям с ограниченными физическими возможностями, престарелым и маргиналам, детям-сиротам); выполнение общественных работ (строительство дорог, уборка территорий); организация общественно полезных мероприятий (благотворительных концертов, сбор средств на поддержку нуждающимся), а также работа в рамках неформального образования, организация экологической защиты природы, человека, семьи и т. д. [19].

В царской России в крупных городах уже в конце XVIII в. стали создаваться первые благотворительные общества, и начинали они с помощи малоимущим, детям-сиротам, больным в приютах, больницах, школах, в то же время совершенно особым направлением добровольчества было движение сестер милосердия. В СССР аналогичная деятельность продолжилась под контролем государства и проявляла себя в тимуровском движении, коммунистических субботниках, добровольной народной дружине, в различных обществах: охраны памятников, природы, спасения на водах и т. п. В послевоенный период уже трудно было найти таких граждан государства, которые не участвовали бы в общественной жизни. Этому направлению в государстве уделялось большое внимание в идеологическом и организационном плане, часто в организации добровольных обществ и мероприятий присутствовала принудительность, что нарушало условие добровольности.

В современной России после известных исторических событий ситуация с добровольческими обществами существенно изменилась. Нынешнее волонтерство малочисленно, и преимущественно оно охватывает только центральные регионы. По статистическим данным РИА, в 2007 г. в волонтерском движении принимало участия 1–2 % населения, а в 2012 г. не более 10 % населения входят в состав добровольных организаций, при том в этих цифрах учтены те граждане, кто хоть раз принимал участие в каких-либо мероприятиях.

Значимость волонтерского движения в целом для общества продемонстрирована в статье Е. А. Лебедевой, где был проведен анализ научной литературы по вопросу психологии волонтерского движения [7]. В этой статье автор приводит выдержку из работы А. Маслоу «Мотивация и личность», в которой говорится, что волонтерство имеет значение не только и не столько для государства, как для тех, кто потерял и ищет смысл жизни [10]. Наряду с этим мнением, в той же статье автор ссылается на работу В. Франкла «Человек в поисках смысла»: «...истинный смысл надо найти во внешнем мире человека, а не внутри и его собственной душе»; и далее: «...бытие человека всегда направлено к чему-то или к кому-то иному, с которым надо встретиться. Чем больше человек забывает о себе – тем более реализуется и более человечным становится, т. е. самореализация возможна как результат выхода за свои пределы» [20].

Казалось бы, волонтерское движение как социальное явление в век рыночных отношений, когда преобладают потребительские ценности, парадоксально. Но, как утверждают авторы западных исследований в области здоровья и психологии развития, с точки зрения гуманистической психологии деятельность истинных добровольцев богата смыслом, организованной системой высших ценностей и самых позитивных мотивов. Эмпирические данные подтверждают связи между добровольческой активностью и улучшением состояния психического и физического здоровья, удовлетворением жизнью, повышением самооценки, снижением уровня депрессии у людей, которые занимаются волонтерством [22]. В заключение статьи Е. А. Лебедева делает выводы о необходимости и важности восстановления культуры волонтерского движения в российском современном обществе [7].

Исследуя психологию волонтерства с точки зрения деятельностного подхода, отечественные психологи опираются на закономерность побуждения личности к действию соответствующей мотивацией, которую В. Г. Леонтьев кратко охарактеризовал как процесс возникновения и образования, на основе потребности, мотива [8]. Далее, анализируя проблему психологии мотивации, В. Г. Леонтьев расширяет это определение, приводя выдержки из работы Э. Д. Телегиной: «Мотивация – это система мотивов, их совокупность и структура. <...> В действии человека при протекании любого психологического процесса всегда имеет место определенная совокупность мотивов. Эта совокупность представляет собой иерархическую структуру движущихся сил поведения личности и связана, с одной стороны, со структурой личности, с другой – со спецификой конкретной ситуации» [15]. То есть, согласно данному определению, мы можем ожидать некоторую динамику мотивов с изменением ситуации, на которую волонтер будет реагировать согласно своим личностным качествам. Это предположение может быть подтверждено тем, что организаторам волонтерского движения знакомы факты нестабильности в работе волонтеров и добровольческих организаций в целом, что значительно осложняет проведение мероприятий и негативно сказывается на общем впечатлении о работе добровольцев.

Как отмечалось выше, принято считать, что основой волонтерского движения является добровольность его членов в участии и в выполнении каких-либо работ. Так, в словаре С. И. Ожегова приводится следующее определение: «Добровольность – это деятельность, осуществляемая на основе доброй воли, а доброволец – тот, кто взял на себя какую-либо работу» [12, с. 155]. При этом в данном определении необходимо отметить фундаментально важное понятие «по доброй воле» как «по собственной воле, без принуждения, с охотой».

В экспериментальном исследовании мы задались целью найти возможности контролировать динамику мотивов добровольности и их регулирования.

В ходе подготовки материалов для проведения исследования по психологии добровольцев нами было выяснено, что у респондентов (студентов 1–5-го курсов, имеющих опыт участия в волонтерских мероприятиях) и интервьюированных организаторов волонтерского движения есть общее мнение об основных сложностях в работе с волонтерами: во-первых, непродолжительность добровольческого настроя, во-вторых, представление о работе у начинающих волонтеров основывается больше на фантазиях о будущей деятельности, в которых «черная работа» вообще не имеет места. Наша информация дополнилась результатами исследования группы ЦИРКОН на базе сообщества «Общественная поддержка НКО в России», осуществленного в 2010 г., и приведенных в статье Е. К. Шековой. По их данным, в составе волонтерского движения наиболее многочисленна группа молодежи – около 40 %. Кроме того, было выяснено, что группу респондентов можно было условно разделить на две: альтруистов и эгоцентристов. Естественно, каждая группа имела свои наборы мотивов для участия в волонтерском движении.

Мотив – это побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребности субъекта; динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; в российской науке часто определяется как «опредмеченная потребность» [14, с. 309]. Чтобы проанализировать, как сформулированы мотивы у альтруистов и эгоцентристов, исследователи выбрали три группы наиболее активных добровольцев – это молодежь, работающие и пенсионеры. Таким образом, получилось шесть подгрупп, одни – склонные к альтруистическим поступкам, другие – к эгоцентрическим, что отражалось в мотивах быть волонтером:

1-я группа: молодежь-альтруисты – молодые люди с активной жизненной позицией, стремящиеся изменить мир к лучшему, помочь окружающим, быть полезными обществу;

2-я группа: молодежь-эгоцентристы – желающие получить специфические знания и навыки, установить профессиональные связи, проверить себя в профессиональной среде;

3-я группа: работающие-альтруисты – испытывающие потребность в восстановлении жизненной справедливости, сочувствие к чужим проблемам и желающие оказать посильную помощь;

4-я группа: работающие-эгоцентристы – желающие самореализоваться, использовать свой творческий потенциал, стремящиеся к получению социального одобрения или ищущие стимулы для личного развития и смены системы жизненных ценностей;

5-я группа: пенсионеры-альтруисты – поддерживающие мораль коллективного общения и желающие участвовать в решении проблем общества;

6-я группа: пенсионеры-эгоцентристы – испытывающие потребность доказать, что они нужны обществу, стремящиеся к общению и получению общественного уважения и внимания [21].

Так как в настоящий момент основную массу волонтеров составляет молодежь, нами было решено провести исследования на базе вузов, которые готовят специалистов помогающих профессий – психологов для работы с пострадавшими в чрезвычайных ситуациях (по линии деятельности МЧС России) и будущих психологов социальной сферы.

Первые пилотные эксперименты, начиная с 2010 по 2012 г., были проведены со студентами-психологами Санкт-Петербургского государственного университета ГПС МЧС России (УГПС). Затем с 2013 по 2015 г. эксперимент был продолжен со студентами-психологами Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы (ИПСР). Всего эксперимент благополучно завершили 54 человека, 18 – из УГПС и 36 – из ИПСР, распределенные на 5 групп. Выборки были однотипны: обе специализации «Психолог», по типу деятельности – субъекты помогающих профессий [4], возраст от 20 до 26 лет. В первой выборке было трое юношей, во второй – пять. Для выявления динамики мотивов добровольности нами были разработаны авторская анкета для респондентов и опросник, в которых вопросы касались рефлексии психологического состояния и осознанности мотивов своих поступков перед началом эксперимента и в процессе выполнения заданий.

Для осуществления любой деятельности необходимо формирование мотивации и ряда мотивов. Респонденты в анкете перечисляли мотивы, толкнувшие их к принятию участия в эксперименте, а затем отслеживали, как меняются мотивы в ходе эксперимента и сопутствующее этому процессу эмоциональное состояние. Забегая вперед, скажем, что только 27 % из всех участвующих в эксперименте продемонстрировали альтруистические мотивы, остальные оказались эгоцентрическими.

Суть работы с испытуемыми заключалась в следующем. В начале курса по консультативной психологии студентам объявляли, что они по учебной программе в качестве итоговой работы должны выполнить практическую работу. На выбор предлагалось два варианта. Первый – провести индивидуальное консультирование сокурсника, оформить протокол беседы и проанализировать его. Второй – выполнить практическую работу, заключающуюся в ежедневном планировании своего дня. Так как аналогичное задание часто дается психологом своему клиенту в качестве домашнего между сессиями для самоанализа и с целью сохранения психокоррекционного пространства, то мы решили, что это бу-

дет хорошей практикой для будущих консультантов проверить на себе эту методику.

Задание было рассчитано на ежедневное выполнение в течение месяца и включало два блока:

А. 1) составить перечень важных дел на ближайший месяц (30 календарных дней) в любом порядке, как они приходят в голову;

2) ежедневно вечером письменно составлять план на следующий день. Он должен включать основные дела, частично они будут взяты из основного списка, частично – новые. При появлении новых непредвиденных дел их необходимо вносить в общий первоначальный список;

3) вечером следующего дня надо проверить выполнение запланированного, отметить те дела, которые были выполнены, невыполненные перенести на следующие дни;

4) письменно похвалить себя за что-то, сделанное в течение дня. Положительная оценка не обязательно должна касаться выполнения задуманного, она может быть вызвана хорошим поступком, мыслями и т. п.;

5) написать новый план на следующий день и т. д. до 30-го дня.

Б. Параллельно с выполнением задания студент должен отслеживать изменения своего психологического состояния (отношения к ситуации) и мотивов к работе с планами и делать об этом дневниковые записи. А в конце месяца самостоятельно проанализировать свою работу и написать резюме, после чего сдать работу на проверку для заключительного собеседования с преподавателем и получения оценки.

Преподаватель предлагал не тратить на выполнение ежедневных записей более 15 минут и ознакомил с трудностями, встреченными на пути выполнения задания волонтерами предыдущих групп. Желающих принять участие в этом исследовании было много как в УГПС, так и в ИПСР.

Приступая к исследованию, мы исходили из того, что испытуемый – это активный участник эксперимента и, с точки зрения испытуемого, эксперимент – это часть его жизни, а не просто отрезок его потраченного времени. При правильном оформлении отношений исследователь – испытуемый мы можем рассчитывать на то, что эксперимент является моделью реальной деятельности, где при отработке отдельных элементов задания происходит синтез определенной жизненной ситуации. Что и продемонстрировали некоторые студенты в конце эксперимента, выразив удивление результативностью методики и желанием применять ее в дальнейшем для плодотворности своей деятельности. Как указывает В. Н. Дружинин, при участии в эксперименте с психологом классическим мотивом является любопытство, следующий по частоте мотив – «узнать о себе» [1]. В нашем же случае наиболее часто повторяющийся мотив был «получение зачета» (38 %), затем – «легкость выполнения» (27 %), значительно реже – «почему не поучаствовать, если попросили» (12 %), «проверю, легче ли по плану жить» (8 %), и всего 8 человек из всей выборки предъявили мотив «интересно» (15 %).

На подготовительном этапе у нас возник вопрос: соблюдается ли условие добровольности участия студентов в эксперименте? Вход испытуемого в эксперимент осуществляется благодаря внешней или внутренней мотивациям. Второй вид мотивации обеспечивает осуществление добровольного поступка. В нашем случае, так как выполнение практической работы для получения зачета по дисциплине предусматривалось учебным планом, присутствует внешняя мотивация, но студент мог выбрать либо выполнение задания по консультированию сокурсника, либо планирование, таким образом, очевидна внутренняя мотивация.

Для определения добровольности участия студентов в эксперименте мы опирались на рассуждения В. Н. Дружинина, что в классическом эксперименте всегда присутствует психодиагностическая ситуация – «добровольность / принудительность». Если испытуемый, движимый внутренней мотивацией, участвует в эксперименте, а в конце исследования может получить результаты и с помощью них самостоятельно определить свое поведение и жизненный путь, то это соответствует добровольности как в плане участия, так и по применению результатов исследования. И ситуация полностью противоположная, исключая добровольность, когда испытуемый, движимый внешней мотивацией, не может воспользоваться по своему усмотрению результатами исследования, а обязан следовать указанию диагноста или администратора. Примером такого исследования может явиться диагностирование профессиональной пригодности.

Обозначенные пределы добровольности поступка дают возможность обосновать четыре типа научно-практических задач:

1. Добровольное участие и самостоятельный выбор дальнейшего поведения.
2. Принудительное участие и самостоятельный выбор дальнейшего поведения.
3. Принудительное участие – выбор дальнейшего поведения навязан посторонним лицом.
4. Добровольное участие – выбор дальнейшего поведения навязан.

Очевидно, что постановка нашего эксперимента укладывается в условие задачи первого типа, что удовлетворяло условиям добровольности: все студенты, пожелавшие участвовать в эксперименте, добровольно приняли в нем участие и самостоятельно определяют степень применения для себя результатов исследования.

У человека в качестве источника мотивации чаще всего проявляется не потребность, а мотив как психологическое, личностное обоснование решения действовать в определенном направлении для достижения определенных целей, что и наблюдали экспериментаторы при заявлении студентов о желании участвовать, руководствуясь единым мотивом «в этом задании проще и легче получить оценку» (65 % всей выборки). Такая мотивация несет личностную характеристику. Как указывал В. Г. Леонтьев, в ней представлены все стороны человеческой деятельности и поведения: когнитивные, волевые, смысловые и т. п.

Выше уже упоминалось, что существенное воздействие на динамику мотивов оказывают меняющиеся условия деятельности человека и изменение его отношения к происходящему. Объясняя это явление, В. Г. Леонтьев приводит выдержку из работы И. А. Джидарьян: «Мотивация оказывает побуждающее воздействие на всех его звеньях, а не только в начале. Мотивация выступает сложным механизмом соотношения личностью внешних и внутренних факторов поведения, которые определяют возникновение, направление, а также способы осуществления конкретных форм деятельности. Именно благодаря мотивации, которая предусматривает не только наличную ситуацию, но и некоторую предвидимую в будущем, приводится в соответствие цель деятельности и средства ее достижения, достигается целесообразность и осмысленность действий в целостном поведенческом акте личности. <...> Мотив имеет более узкое значение. Это внутреннее состояние личности, которое энергетизирует и направляет действия личности в каждый момент времени» [9, с. 54]. Анализируя студенческие отчеты о проделанной работе, мы нашли подтверждение, насколько мотивация участвовать в эксперименте координировала студентов в выборе соответствующего мотива и как меняются мотивы от изменения отношения студента к ситуации.

Первые дни выполнения задания шли с хорошим настроением, бодро, респонденты переживали радость от того, что все получается; присутствовала уверенность, что хватит сил справиться с такой простой работой. Примерно на 5–7-й дни настрой выполнять работу снижался, появлялись помехи, респонденты начинали исподволь искать поводы не выполнять задание, ссылаясь на более важные в данный момент дела. Но все же студенты продолжали работу, на этом этапе никто не бросал начатого дела. Многими отмечалось, что мотив «Я справлюсь» (проявление уверенности, убежденности) уже не помогал. В дневниковых записях испытуемых указывались мотивы к продолжению работы:

- увещевания себя: «Ну, что же я не смогу... (многие приводили личные объяснения, чего они не могут: справиться, взять себя в руки и т. п.);
- поддержка себя: «Я смогу! У меня хватит сил!»

В среднем на 16-й день (от 14-го до 17-го дня) личный мотив снова претерпевал изменения, и он трансформировался в «Я же обещал... (я думал, что...; другие делают, а я...)», что относится к долженствованию и ответственности «Я должен...» (проявление ответственности).

На 20–23-й дни прежний мотив «я должен...» был уже отработан. Респонденты, кто поставил перед собой долг, приходили к выводу, что они никому не должны, так как принимали решение об участии добровольно, и только самим себе: «получить оценку». Вместе с этим в дневниках встречались записи, что виноват сам, взялся за дело, которое не интересно. Были и такие записи, что не хочется ничего делать, задание выглядит обузой, теряется смысл написания плана, так как изо дня в день повторяются одни и те же дела. У некоторых дневниковые записи стали выполняться бездумно, неряшливо, не ежедневно.

На рубеже 25–27-го дней никакие мысли о хорошей оценке не стимулировали работу. Те, кто смог преодолеть этот рубеж (55 % от числа участвующих в

эксперименте), формулировали новый мотив: «Скоро окончание, и я брошу эту ненужную, глупую работу». Если в формулировках мотивов прежде наблюдались отклонения в силу личных языковых возможностей, то на этом этапе очередного рубежного момента мотив звучал однозначно: «Осталось всего... 4 дня, 3, 2, 1, и я свободен!»

При анализе дневниковых записей студентов выяснилось, что представлены обе мотивации – внешняя и внутренняя. Внешняя мотивация формулировалась через мотив достижения, стремления к значимому результату, показу собственных возможностей, способностей. Внутренняя описывалась мотивами «интересно», в содержание чего входит и решение мыслительной задачи с учетом условий и предполагаемый результат, а также «смогу ли применить для себя».

Описание причин динамики мотивов мы нашли в работе Д. Н. Узнадзе «Психология установки». На данную работу ученого ссылался и В. Г. Леонтьев, рассматривая суть мотивации, мотива, установки и воли. Процесс мотивации – поиск наиболее приемлемого поведения в конкретной ситуации, именно такого, которое бы отвечало собственному «Я». Поведение личности всегда должно отвечать многим потребностям, в том числе и тем, которые еще не стали на данный момент актуальными, т. е. в настоящее время действующими, но которые будут иметь большое значение для личности в будущем. Именно поэтому личности приходится, прежде чем совершать поступок, все взвешивать, выбирать наиболее подходящее поведение. Этот процесс поиска нужного поведения и называется мотивацией... и оканчивается принятием решения, в котором собственно выражаются мотивационные, волевые, установочные стороны поведения. Акт решения всегда предваряется мышлением. Человек обдумывает наиболее оптимальный вариант своего поведения, взвешивает его целесообразность, устанавливает, какие потребности это поведение удовлетворит и нужно ли их в данной ситуации удовлетворять. Иначе говоря, в процесс мотивации включаются когнитивные процессы, на базе которых и происходит принятие решения. Но для исполнения решения необходимо основание, которое бы придало определенное личностное переживание решению, принятию его личностью и наполнило бы его личностным смыслом, эмоциями и чувствами. Таким основанием является мотив. Мотив выступает такой мотивационной формой, в которой воплощены личностная значимость, смысл, эмоциональное переживание смысла, осознание ценности принятого решения. Мотив заменяет одно поведение другим, менее приемлемое – более приемлемым, и этим путем создает возможность определенной деятельности [17].

Помимо наблюдаемой динамики мотивов, студенты в дневниковых записях и в интервью продемонстрировали проявление воли в следовании принятому ранее решению.

Воля – свойство человека, заключающееся в его способности сознательно управлять своей психикой и поступками. К волевым качествам часто относят мужество, настойчивость, решительность, самостоятельность, терпение, самообладание и т. д. Научных исследований и монографий, посвященных волевому

управлению человеком своим поведением, на сегодняшний день достаточно много. Причину такого внимания к волевому акту личности интересно проиллюстрировал Е. П. Ильин. Он привел исторический пример: «Когда после сражения у Бородино в 1812 г. прославленный кавалерист наполеоновской армии маршал Мюрат укорял своих генералов в недостаточной энергичности кавалерийских атак, один из генералов ответил: “Во всем виноваты лошади – они недостаточно патриотичны. Наши солдаты воюют блестяще, если у них нет даже хлеба, но лошади без сена не трогаются с места”». Е. П. Ильин сделал вывод: в этом диалоге отразилось главное отличие поведения человека от поведения животных – у человека имеются мотивация и «сила воли» [3].

За десятки лет психологических исследований не появилось однозначного, единодушного понимания такого явления, как воля. Определение термина «воля» представлено у С. Л. Рубинштейна: «...действия, регулируемые осознанной целью и отношением к ней как к мотиву, – это и есть волевые действия» [13]. Е. П. Ильин предлагает такой вывод: «...необходимо говорить не просто о связи воли и мотивации, а о включенности мотивации человека в его волю» [2].

В изложении задания студентам преподаватель фокусировал их внимание на мотивации достижения (потребность индивида достигать успеха и избегания неудач) – «психолог обязан уметь разрабатывать, ставить и участвовать в психологических экспериментах, наблюдать, анализировать и интерпретировать результаты. Без такого практического приложения полученных знаний он не может стать профессионалом». При этом учитывалось, что развитие мотиваций достижений обусловлено особенностями социализации (ценностными ориентациями) будущего специалиста, что отражено в мотивационных переменных: личностные стандарты (трудность задачи, вероятность успеха); привлекательность самооценки; ответственность за успех [16].

Таким образом, в результате исследования мы выявили мотивы и проявление воли студентов, отраженные в дневниковых записях характеристик событий, своего отношения и деятельности. Во всех пяти группах наблюдалась некоторая временная закономерность возникновения кризисных состояний испытуемых, которые разряжались приложением волевых усилий для пересмотра мотивов деятельности. Средние значения кризисных периодов приходились: на 6-й день эксперимента, 15-й, 22-й и 26-й дни. То есть со второго кризисного момента, во второй половине месяца, периодичность возникающих напряжений, провоцирующих пересмотр мотивов, учащалась. Периоды сократились до 4 дней, а в последние дни (27, 28, 29-й дни эксперимента), по заявлению респондентов, можно считать почти каждый день критическим.

Еще раз обратимся к определению волевых действий С. Л. Рубинштейна: «...действия, регулируемые осознанной целью и отношением к ней как к мотиву». В нашем случае цель оставалась прежней – выполнить ежедневное задание, а отношение к ней менялось (от привлекательного до обременительного), в соответствии с этим менялись и мотивы, что подтверждает определение, данное С. Л. Рубинштейном. Следует отметить, что с изменением мотивов менялись и способы достижения цели. Например, за время проведения экспериментов в

двух случая студенты даже прибегали к посторонней помощи, т. е. просили, чтобы родители им напоминали вечером выполнить задание, пятеро ставили напоминание в мобильных телефонах. По словам самих студентов, из мотивационных переменных в эксперименте наиболее выделялась ответственность за успех дела (мнение 85 % участвующих).

Ответственность человека представляет собой одну из наиболее сложных проблем в психологии, которая все еще не разрешена, несмотря на многочисленные исследования, посвященные этой теме. К. Муздыбаев в своей работе «Психология ответственности» пишет, что трудность и деликатность данной проблемы (авт. – определение категории ответственности) в большей степени обусловлены ее психологическим подтекстом, так как люди предельно чувствительны к тому, что является их собственным долгом, личной ответственностью и виной, без которой не чувствуют ответственности. Призывы к ответственности часто воспринимаются как угрожающие в силу неотвратимости наказания, что вызывает дискомфорт. И в то же время ответственность признается социально ценным личностным качеством, которое обязательно надо развивать, формировать, воспитывать и т. д., качеством, необходимым каждому не только для личностного роста, но и для элементарного выживания [11].

В жизни мы сталкиваемся с несколькими видами ответственности: внутренняя и внешняя ответственность, индивидуальная и групповая, ретроспективная и перспективная, административная и гражданская, дисциплинарная, уголовная, материальная и т. д. Личность берет на себя, несет ответственность или стремится избежать ее. На кого-то она наваливается как тяжелый груз, бремя, кто-то пытается избавиться, сбросить с себя эту обязанность и не услышать призыв к ответственности [5]. И это понятно, потому что от несущего ответственность требуется отчет, и существует возможность обвинения (самообвинения), что мы и наблюдали в процессе эксперимента, когда добровольное начинание для большинства испытуемых переросло в тяжелую ношу и неприятную ответственность.

Данную ответственность можно представить как четырехкомпонентную структуру, включающую:

- субъект ответственности (тот, кто отвечает, в нашем случае студент);
- инстанцию (перед кем отвечает: перед преподавателем);
- объект ответственности (за что отвечает: выполнение задания);
- санкции (меру ответственности, воздействия – как отвечает: получением / неполучением оценки за работу).

При изменении ситуации (возникновении конфликта «мотив/результат») из всей четырехкомпонентной системы ответственности в рассматриваемом примере могут модифицироваться третья и четвертая составляющие, и они жестко взаимосвязаны: выполняешь задание – получаешь оценку, не выполняешь – оценки нет, а будут соответствующие последствия, обусловленные социальными ролями участников.

Причина необходимости проявления воли для продолжения и завершения работы называлась студентами одна, независимо от вида направленности их

действий – альтруистическая или эгоцентрическая. Эта причина – потеря интереса, вызываемая несовпадением мотива с реальным положением дел. Например, мотив был «легкость выполнения задания», но оказалось, что дисциплинировать себя и каждый вечер находить 15 минут для анализа выполненных дел и написания нового плана – трудная задача. Мотив «интересно» столкнулся с обыденностью, ежедневным повторением одних и тех же дел, методичным прописыванием планов и проведением их анализов. Выяснилось, что конфликты возникали по поводу каждого ранее выдвинутого мотива. Кроме того, много негатива в выполнении задания внесло осознание наличия «хвостов», о которых студенты, несомненно, знали, но при ежедневном повторении и необходимости «с этим что-то делать» резко снижалось настроение, что тоже требовало волевого усилия для преодоления уныния и продолжения работы.

На примере эксперимента мы убедились, что в процессе выполнения добровольческого акта студенты столкнулись с конфликтом «мотив/результат», необходимостью взять на себя ответственность за достижение результата и проявить волю к осуществлению новых действий по преодолению конфликта.

Надеемся, что проведенный эксперимент можно рассматривать как одну из попыток заложить начало для создания действующей модели жизненной ситуации добровольческого движения. Е. К. Шекова считает, что добровольничество – это особая система трудовых отношений, преследующих социальную благотворительность и построенных на механизме нематериального стимулирования, которое подразделяется на три группы:

1. Практическое: добровольцам предоставляют возможность участвовать в образовательных программах организации на бесплатной или льготной основе. Они приобретают опыт работы в различных направлениях, а также дополнительные знания, навыки и т. д.

2. Информационное: добровольцам предоставляют доступ к информационным источникам и материалам (библиотека, научно-исследовательские разработки, новые технологии и т. д.).

3. Привилегированное: добровольцам организуют досуг, то есть предоставляют возможность бесплатного посещения различных мероприятий, скидки на какие-либо товары/услуги [21]. То есть применение указанных нематериальных стимуляций будет способствовать сохранению принципа добровольчества при организации волонтерского движения.

Итак, изученные научные источники и проведенный эксперимент показали, во-первых, что декларируемая добровольность начатого дела не гарантирует, что исполнитель будет выполнять свои обязанности качественно и достаточно длительное время. Во-вторых, мотивы и мотивация с течением времени меняются в соответствии с изменением отношения субъекта к цели достижения из-за возникновения конфликта «мотив/результат». В-третьих, ответственность, добровольно возложенная на себя за выполняемое дело, может перерасти в непосильную ношу, под воздействием которой субъект деятельности может пересмотреть отношение к поставленной цели, и если у него нет возможности по-

кинуть выбранный путь, неизбежно произвести изменение мотивов своей деятельности.

Проведенное со студентами, участниками эксперимента, обсуждение полученных результатов помогло прийти к интересным выводам. Заслуживает внимание тот факт, что студенты, ежедневно отмечавшие положительные моменты в прожитом дне (выполненное задание, пришедшие интересные мысли и идеи, хорошее настроение и т. п.), дольше сохраняли работоспособность в отношении поставленной цели. Также они показали, что на этапе пересмотра мотива выполнения задания формулировали новый мотив без частицы «не». То есть они говорили себе: «Я справлюсь», «У меня получится», в противовес тем, кто формулировал свою проблему иначе: «У меня не получается, потому что...», «Я что, хуже всех?», «Я что, слабее другого?». Очевидно, что первые применяли формулы утверждения и, вероятно, в командном тоне. Другие применяли формулы в виде вопросов, не понятно к кому обращенных, а значит, остающихся без ответов.

Подводя итоги, мы можем предположить, что организационное регулирование с целью сохранения добровольности деятельности волонтеров будет более эффективным а) при информировании волонтеров о возможности возникновения конфликтов «мотив/результат деятельности», б) научении всех заинтересованных лиц методам и приемам выхода из этих конфликтов, в) поэтапного (с учетом закономерности кризисных периодов) применения нематериального стимулирования со стороны ведущих и организаторов движения. Жизненный опыт подсказывает, что при выполнении других работ и в прочих условиях периодичность и интенсивность кризисов «мотив/результат деятельности» волонтеров будет иной, поэтому исследование динамики мотивов добровольчества стоит продолжать.

Список литературы

1. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
2. Ильин Е. П. Мотивы и мотивация. СПб.: Питер, 2011. 512 с.
3. Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2009.
4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с.
5. Кузьменкова Л. В. Формирование отношения к ответственности в процессе профессиональной подготовки обучающихся в вузах МЧС России: Дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2009. 160 с.
6. Латинско-русский словарь, М.: Русский язык, 1986. 840 с.
7. Лебедева Е. А. Психологические аспекты волонтерства // Седьмая волна психологии. Вып. 6 / Под ред. Козлова В. В., Качановой Н. А. Ярославль, Минск: МАПН, ЯрГУ, 2009. С. 22–25.
8. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. 264 с.
9. Леонтьев В. Г. Проблемы психологии мотивации в отечественной психологии. Психология мотивации. Прошлое, настоящее, будущее // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева. Новосибирск, 2014. С. 5–57.

10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003, 352 с.
11. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. М., 1978.
13. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. Научное издание. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
14. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 800 с.
15. Телегина Э. Д. Мотивация в структуре мыслительной деятельности // Искусственный интеллект и психология / Под ред. О. К. Тихомирова. М.: Наука, 1976. С. 44–59.
16. Толочек В. А. Современная психология труда: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006.
17. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О. Н. Трубачевой. М.: Прогресс, 1986.
19. Федеральный закон Российской Федерации от 11.08.1995 № 100 (в редакции 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» Ст. 5. Участники благотворительной деятельности.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1991.
21. Шекова Е. К. Развитие добровольчества в России // Некоммерческие организации в России. 2011. № 2.
22. Rietschlin J. Voluntary Association Membership and Psychological Distress // Journal of Health and Social Behavior. 1998b. P. 39:348–55.